

БУДЬ Я ПОЭТОМ, ТО СМОГ БЫ СКАЗАТЬ ВСЕ ЧТО ХОЧУ.

АНТОНИО

СКАРМЕТА

ПОЧТАЛЬОН НЕРУДЫ

Имена. Зарубежная проза

Антонио Скармета
Почтальон Неруды

«Азбука»

1985

УДК 821.134-2(8)
ББК 84(7Чил)-44

Скармета А.

Почтальон Неруды / А. Скармета — «Азбука», 1985 — (Имена.
Зарубежная проза)

ISBN 978-5-389-33770-1

Полный необъятной любви к жизни, искрометных метафор, юмора и тихой грусти, этот роман словно глоток солнечного света, которого порой так не хватает в серый будний день. В крошечной деревушке у берегов Тихого океана живет известный чилийский поэт Пабло Неруда. Он – единственный получатель писем в Исла Негра и единственный клиент юного почтальона Марио Хименеса, своим нехитрым трудом зарабатывающего разве что на билеты в кино. Великий поэт и мальчишка-почтальон – казалось бы, что между ними может быть общего? Но Пабло Неруда и Марио Хименес быстро становятся друзьями, объединенные любовью к тому, как наш мир пронизывает поэзия. И в своем человеколюбии Неруда учит парнишку не только тому, как смотреть на реальность через призму метафор, но и как завоевать сердце очаровательно прекрасной Беатрис. Уже ставший современной классикой роман Антонио Скарметы лег в основу оscarоносного фильма «Почтальон», снятого Майклом Рэдфортом. На русском языке «Почтальон Неруды» издается впервые с момента его публикации в 1985 году.

УДК 821.134-2(8)
ББК 84(7Чил)-44

ISBN 978-5-389-33770-1

© Скармета А., 1985

© Азбука, 1985

Содержание

Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Антонио Скармета Почтальон Неруды

Оформление обложки Андрея Саукова.

ANTONIO SKÁRMETA

ARDIENTE PACIENCIA (EL CARTERO DE NERUDA)

© ANTONIO SKÁRMETA, 1985, and Heirs of ANTONIO SKÁRMETA.

© Егорцева А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

*Матильде Уррутии, вдохновительнице Неруды, а вместе с ним – и
его скромных подражателей*

Пролог

В то время я работал редактором отдела культуры одного третьесортного издания. Доверенная мне секция велась в соответствии с художественными представлениями главреда, который, кичась своими связями в сфере искусства, заставлял меня брать интервью у старлеток из кабаре, сочинять рецензии на книги, написанные сыщиками в отставке, делать заметки о цирках-шапито или рассыпаться в чрезмерно хвалебных отзывах на «хиты» недели, подсиленные первому встречному.

В сырых помещениях этой редакции каждый день бились в агонии мои мечты стать писателем. Ночами напролет я зачинал новые романы, которые, однако, разочаровываясь в собственном таланте и поддаваясь лени, до конца так и не доводил. Другие писатели моего возраста добивались значительного успеха внутри страны и даже получали зарубежные премии: *Casa de las Américas*, *Biblioteca Breve Seix-Barral*, *Sudamericana* и *Primera Plana*. Снедавшая меня зависть не столько подстегивала меня когда-нибудь завершить книгу, сколько действовала подобно холодному душу.

В ту пору, когда хронологически завязалась эта история – которая, что наверняка не ускользнет от внимания предполагаемого читателя, начинается воодушевленно и которая к концу приобретает печать глубокой меланхолии, – главред подметил, что вращение в кругах богемы лишь акцентировало мою нездоровую бледность, и решил отправить меня в командировку ближе к океану, что обеспечило бы мне неделю солнца, соленого воздуха, морских деликатесов, свежей рыбы и заодно – важные связи для будущего. Мне предстояло нарушить покой прибрежной жизни Пабло Неруды и в серии интервью составить для распушенных читателей нашей газетенки нечто вроде, как выразился мой главред, «эротической географии поэта». Иными словами, говоря по-простому, заставить его в самых образных выражениях рассказать о женщинах, которых он успел оприходовать.

Размещение в гостинице поселка Исла-Негра, щедрые расходы на поездку, авто на прокат в *Hertz*, одолженная пишущая машинка *Olivetti* стали дьявольски соблазнительными аргументами, коими главред все же убедил меня согласиться на столь постыдное задание. К этим аргументам я со свойственным мне тогда юношеским идеализмом добавлял еще один, лелея рукопись, прерванную на двадцать восьмой странице: днями я бы работал над статьей о Неруде, а вечерами под шум волн трудился над романом вплоть до самого его завершения. Кроме того, я задался мыслью, которая затем переросла в одержимость и которая сформировала во мне глубокую привязанность к моему герою, Марио Хименесу: выхлопотать у Пабло Неруды пролог к моей книге. С этим ценным трофеем я бы ворвался в издательство *Nascimento* и *ipso facto*¹ добился публикации романа, мучительно откладываемого в столь долгий ящик.

Чтобы чересчур не растягивать пролог и не подавать будущим читателям ложных надежд, напоследок я бы хотел внести несколько уточнений. Во-первых, роман, который читатель держит сейчас в руках, никоим образом не связан ни с тем, что я задумывал писать в Исла-Негра, ни с каким другим, начатым в то время; это – побочный продукт моего неудачного журналистского штурма Неруды. Во-вторых, несмотря на то что некоторые чилийские писатели по-прежнему испивали чашу славы (в частности, как раз потому, что использовали подобные метафоры, – заметил один издатель), у меня все стабильно: я оставался – и по сей день остаюсь – автором, не издавшим ни строчки. Пока другие овладевали мастерством лирического рассказа от первого лица, романа в романе, метаязыка, искажения пространства и времени, я все так же прибегал к посредственным журналистским приемам, избитым выражениям, позаимство-

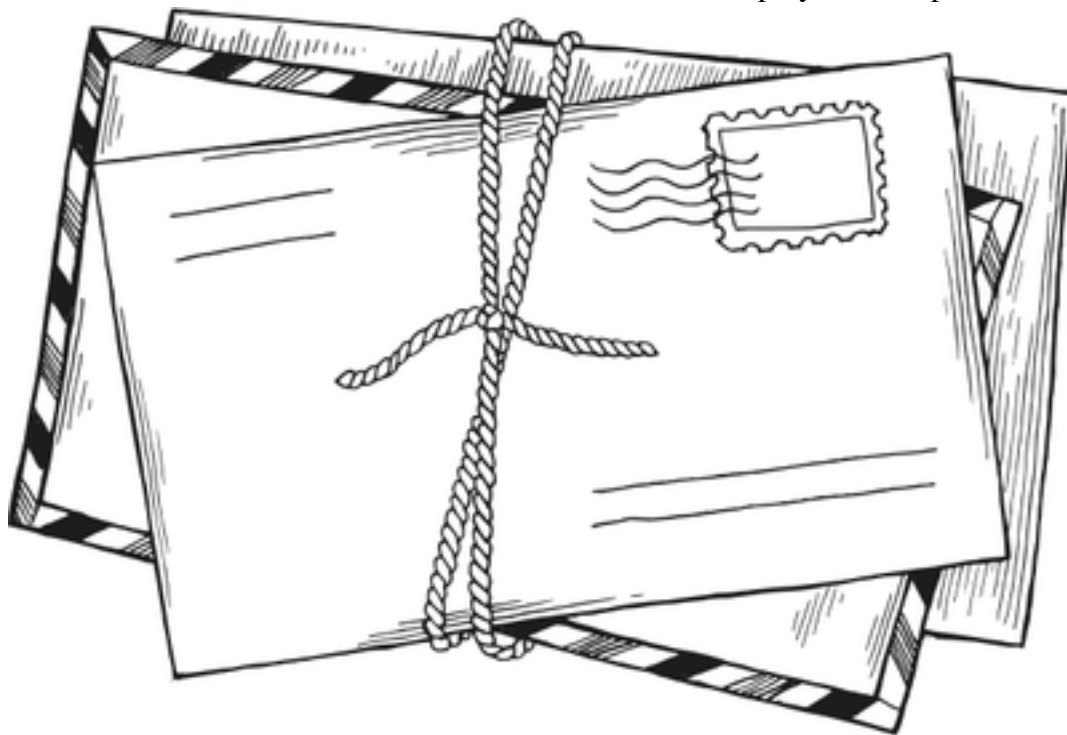
¹ Тем самым (лат.).

ванным у криольистов², кричащим, недопонятым прилагательным из Борхеса, а пуще всего упрямо цеплялся за то, что один преподаватель литературы с отвращением назвал «всеведущим рассказчиком». И наконец, в-третьих, заманчивое интервью с Нерудой, которое читатель наверняка предпочел бы поджидающему его уже на следующей странице роману и которое, возможно, вывело бы меня из безызвестности, оказалось невозможным не из-за отсутствия у меня дерзости, но в силу принципов поэта. Со всей любезностью, которой низменность моих намерений никак не заслуживала, он сказал мне, что любит только свою супругу Матильде Уррутию, что не испытывает ни воодушевления, ни желания ворошить «тусклое прошлое», и со всей иронией, которой моя бесцеремонная просьба о прологе к еще не существующей книге определенно заслуживала, выставил меня за дверь со словами: «С удовольствием, когда напишете».

Теша себя надеждами, я надолго остался в Исла-Негра и, подкрепляя леность, что нахлы- нывала на меня во всякую ночь, вечер и день, стоило мне склониться над белым листом, пова- дился бродить вокруг дома Неруды и заодно – вокруг тех, кто тоже любил там побродить. Так я и познакомился с персонажами этого романа.

Знаю, что не один читатель задастся вопросом, как такой неисправимый лентяй, как я, сумел закончить хоть и небольшую, но все же книгу. Здесь достаточно сказать, что на ее напи- сание у меня ушло четырнадцать лет. Если учесть, что за это время Варгас Льюса успел опуб- ликовать романы «Разговор в “Соборе”», «Тетушка Хулия и писака», «Капитан Панталеон и Рота добрых услуг» и «Война конца света», то это самый настоящий рекорд, коим я отнюдь не горжусь.

Есть, однако, и объяснение сентиментального характера. Беатрис Гонсалес, с которой мы несколько раз встречались за обедом во время ее визитов в суды Сантьяго, попросила меня рассказать для нее историю Марио: «И неважно, пусть даже вы ее затянете надолго и в ней будет слишком много вымысла». Так, с ее позволения, я впал сразу в оба порока.

² Криольизм (исп. *criollismo*) – литературное движение конца XIX – начала XX века в Латинской Америке. Характеризуется изображением сельской жизни, обычаев и природы с акцентом на культурную и национальную самобытность. – *Здесь и далее примеч. пер.*

В июне 1969-го к смене деятельности Марио Хименеса подтолкнуло два мотива – столь же своевременных, сколь ничем не примечательных. Во-первых, его нелюбовь к рыбацкому делу, заставлявшему его подниматься с постели еще до рассвета почти всякий раз, когда он грезил о дерзновенных амурных делах, где в главных ролях выступали жгучие героини – как те, каких он видел на экране кинотеатра в Сан-Антонио. Этот талант к фантазии, вкупе со склонностью к простудам – настоящим либо же вымышленным, – коими он оправдывался через день, увиливая от снаряжения отцовской лодки, позволял ему тешиться под толстыми одеялами из овечьей шерсти и доводить до совершенства свои онейрические идиллии, пока проголодавшийся, насквозь промокший рыбак Хосе Хименес не возвращался из открытого моря, и тогда он, стремясь загладить вину, готовил обед из хрустящего хлеба, бодрящего салата из помидоров с луком, сдобренного петрушкой и кинзой, и дозы аспирина – для пущей драмы, когда родительский сарказм пробивал его до мозга костей.

– Шел бы ты работать. – Такие слова, суровые и сухие, добавлял папаша к полному укоризны взгляду, который, бывало, пронзал Марио в течение десяти минут и никогда не длился меньше пяти.

– Да, отец, – отвечал ему Марио, вытирая нос рукавом свитера.

Если этот мотив был непримечательным, то своевременность заключалась в радовавшем глаз Марио велосипеде *Legnano*, при помощи которого он каждый день обменивал крошечный горизонт над рыбацкой бухтой на тоже, вообще-то, мелкий порт Сан-Антонио, что в сравнении с его поселком, однако, казался пышным и величественным. Одно лишь любование киноафишами, с которых на него глядели дамы с будоражащими устами и дюжие типы с крепкими гаванскими сигарами, зажатыми меж безупречных зубов, погружало его в транс, и выходил он из транса только после двухчасовой ленты, чтобы затем, отчаянно крутя педали – порой даже под морским дождем, позже вызывавшим сильнейшую простуду, – вернуться в обыденность. Щедрости отца не хватало на удовлетворение его вожелений, а потому несколько раз в неделю стесненным обстоятельством Марио Хименесу приходилось довольствоваться походами в магазины старых журналов, где он прикладывал руку к фотографиям любимых актрис.

В один из подобных дней, заполненных безутешным скитанием, он обнаружил на окошке почтового отделения объявление, которое, хотя и было написано от руки на скромном листе бумаги, вырванном из тетради по математике – а знаниями в этом предмете он в начальной школе не блистал, – не оставило его равнодушным.

Галстука Марио Хименес не надевал отроду, однако, прежде чем войти, он поправил воротник рубашки так, словно был при параде, и попытался – не совсем безуспешно – двумя взмахами гребня уложить шевелюру, вдохновленную фотографиями *Beatles*.

– Я по объявлению, – с улыбкой Берта Ланкастера возвестил он служащего.

– Велосипед есть? – без особого участия уточнил тот.

Душа его и губы произнесли в унисон:

– Есть.

– Хорошо, – ответил служащий, протирая очки, – почтальон требуется в Исла-Негра.

– Вот так совпадение, – удивился Марио. – Я живу рядом, в соседнем поселке.

– Хорошо. Плохо только, что получатель там всего один.

– Один? Больше никого?

– Так-то. Тут все неграмотные. Даже по счетам уплатить не умеют.

– Кто же получатель?

– Пабло Неруда.

Марио Хименес сглотнул едва ли не литр выделившейся слюны.

– Это же замечательно.

– Замечательно? На его имя каждый день приходят килограммы почты. Везти такую сумку на горбу все равно что взвалить на плечи слона. Предыдущий почтальон ушел на пенсию горбатый, как верблюд.

– Но мне всего восемнадцать.

– Здоровьем крепок?

– Я? Да я железный: сроду ни разу не простудился!

Сдвинув очки на переносицу, служащий посмотрел на него поверх оправы.

– Зарплата – дрянь. Почтальоны на других участках перебиваются чаевыми. Но с одним получателем тебе только и хватит, что на кино раз в неделю.

– Я согласен.

– Договорились. Косме.

– Косме.

– Для тебя – дон Косме.

– Хорошо, дон Косме.

– Я буду твоим начальником.

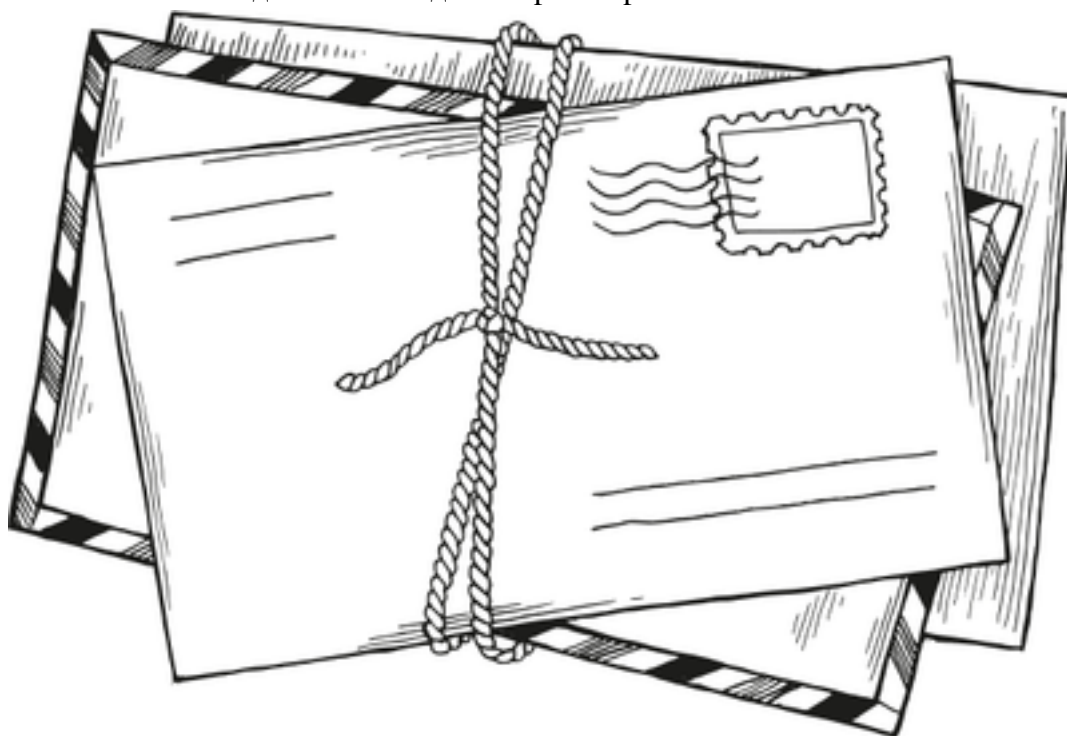
– Хорошо, начальник.

Дон Косме поднял синюю ручку, подышал на нее, чтобы разогреть чернила, и, не глядя на него, спросил:

– Имя?

– Марио Хименес, – торжественно произнес Марио Хименес.

И, едва промолвив эти жизненно важные слова, подошел к окошку, отклеил объявление и спрятал его как можно дальше – в задний карман брюк.

То, чего не сумел добиться бесконечный в своем терпении Тихий океан, сделало строгое, скромное почтовое отделение Сан-Антонио: Марио Хименес не просто вставал на рассвете, посвистывая и шмыгая выдающимся носом, но и с такой ответственностью подходил к своим обязанностям, что старый служащий Косме доверил ему ключ от конторы – на случай, если ему когда-нибудь все же захочется воплотить в жизнь один заветный подвиг: проспать все утро до самой сиесты, затем – проспать всю сиесту до самой ночи и, наконец, проспать всю ночь

таким крепким, глубоким сном, чтобы на следующее утро впервые испытать желание работать – такое, какое исходило от Марио и какое для него, Косме, оставалось непостижимым.

С первой зарплаты, выплаченной с обыкновенной для Чили задержкой в полтора месяца, почтальон Марио Хименес приобрел следующие блага: бутылку вина *Cousiño Macul* длительной выдержки – для отца; билет в кино, где он получил удовольствие от «Вестсайдской истории» и Натали Вуд в частности; немецкий металлический гребень на рынке в Сан-Антонио у одного уличного торговца, возглашавшего: «Германия проиграла в войне, но не в качестве. Гребни из нержавеющей стали *Solingen!*»; и сборник «Оды изначальным вещам» его клиента и соседа Пабло Неруды, издательства *Losada*.

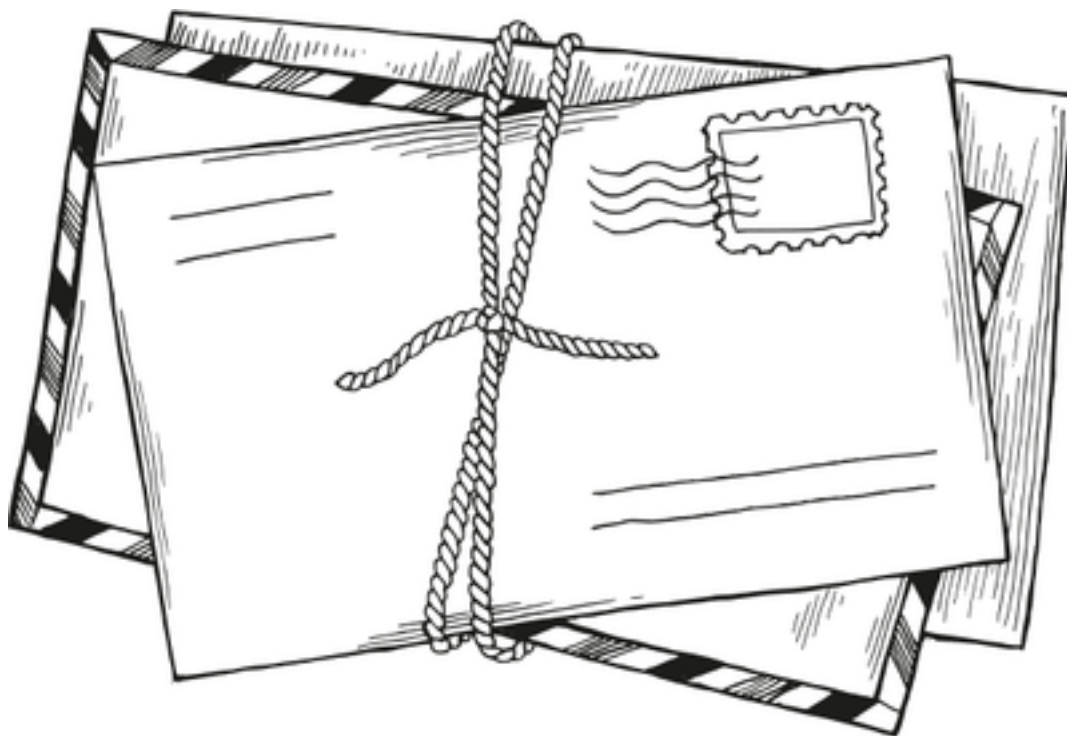
Он замыслил улучшить момент, когда поэт будет в хорошем расположении духа, и, подсунув ему вместе с корреспонденцией книгу, добыть у него автограф, коим мог бы хвастать перед предполагаемыми красавицами, которых он обязательно встретит в Сан-Антонио – или Сантьяго, куда непременно поедет со второй зарплаты. Несколько раз он едва не претворил задуманное в жизнь, однако его неизменно сбивала с толку лень Неруды, с какой тот получал свою почту, проворство, с каким давал ему чаевые (порой, мягко говоря, приемлемые), и лицо, выражавшее глубокую погруженность в самого себя. В течение нескольких месяцев Марио никак не мог избавиться от чувства, что каждым звонком в дверь он лишал поэта вдохновения, из которого вот-вот бы родилось блестящее стихотворение. Неруда брал связку писем, протягивал почтальону несколько монет и провожал его неторопливым взглядом, так же неторопливо улыбаясь. Марио Хименес всегда носил с собой сборник «Од изначальным вещам», надеясь когда-нибудь набраться духа. Он повсюду возил его, и так часто крутил в руках, и так часто клал на колени в свете фонаря на площади, чтобы в глазах не обращающих на него внимания девушек казаться интеллектуалом, что наконец прочел. Заручившись таким фактом биографии, он решил, что заслуживает толики внимания поэта, и одним солнечным зимним утром вместе с корреспонденцией вручил ему книгу со словами, столько раз отрепетированными перед витринами:

– Черкните что-нибудь на память, маэстро.

Удовлетворить такую просьбу было для Неруды делом обыкновенным, и, исполнив свой незатейливый долг, он со свойственной ему ледяной вежливостью с почтальоном распрощался. Изучив автограф, Марио решил, что от простого «С уважением, Пабло Неруда» анонимность его менее анонимной не стала. Тогда он задумал завязать с поэтом своего рода дружбу, чтобы в будущем удостоиться персонального посвящения, написанного зеленой пастой и содержащего хотя бы его имя с фамилией – Марио Хименес. Однако предпочел бы он что-то вроде «Моему дорогому другу Марио Хименесу. Пабло Неруда». Своим намерением он поделился с телеграфистом Косме, который сперва напомнил, что Почта Чили запрещает почтальонам приставать к клиентам с просьбами, выходящими за профессиональные рамки, а потом пояснил, что книга дважды посвящена быть не может. Иными словами, неблагородно это, предложить поэту – каким бы убежденным коммунистом он ни был – перечеркнуть собственные же слова, заменив их другими.

Замечание показалось Марио Хименесу справедливым, и, получив в казенном конверте свою вторую зарплату, он приобрел – что представлялось ему очень логичным – «Новые оды изначальным вещам» издательства *Losada*. Какая-то непонятная тоска побудила его отказаться от желанной поездки в Сантьяго, а потом еще и испуг, когда ловкий книготорговец сказал ему: «В следующем месяце приходите за «Третьей книгой од»».

Однако эти тома подписи Неруды так и не дождались. Очередным солнечным зимним утром, ничем не отличавшемся от многих других, в детали которых мы также не вдавались, Марио Хименес предал автограф забвению. Автограф – но не поэзию.

Выросший среди рыбаков, юный Марио Хименес даже не подозревал, что тем утром среди писем окажется крючок, на который Неруда наконец клюнет. Едва он передал ему связку, как тот тут же выудил конверт и вскрыл прямо у него на глазах. Подобный беспрецедентный поступок, не свойственный спокойствию и благоразумию поэта, подвигнул Марио устроить ему допрос и, что уж там, положил начало дружбе.

– Почему вы вскрыли это письмо первым?

– Потому что оно из Швеции.

– А что там, в этой Швеции? Ну, кроме шведок.

Веки Пабло Неруды, даром что всегда оставались неподвижными, шевельнулись.

– Нобелевская премия по литературе, друг мой.

– И что, вам ее дадут?

– Если бы дали, то я бы не отказался.

– И сколько там?

Дошедший к тому времени до сути письма поэт сказал без хвастовства:

– Сто пятьдесят тысяч двести пятьдесят долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.